СОВРЕМЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ MODERN FICTION TEXTS

DOI 10.15826/izv2.2021.23.4.079
УДК 821.161.1-3 + 008:316.77 + 81:39 +
+ 81'373.612.2

Н. А. Купина
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

В статье на материале художественных текстов рассматривается вопрос о возможностях систематизации и интерпретации ценностей русской культуры. Для специального анализа привлекается малая проза Дениса Драгунского, Михаила Шишкина, романная проза Павла Крусанова, Алексея Слаповского, Алексея Сальникова, Марии Степановой. Цель исследования, которое проводится в рамках аксиологической стилистики, — выявление актуальных коммуникативных ценностей по данным новейшей русской прозы. Представленный краткий очерк политизации и деполитизации русского языка и базовых ценностей культуры позволяет составить общее представление о базовых ценностях на шкале времени (XX–XXI вв.). Координация стилистического и лингвоаксиологического методов анализа позволила выявить общую для авторов стратегию словоцентризма, которая нашла выражение в формировании открытой сверткостекстовой лексической парадигмы. Каждый компонент парадигматического ряда номинирует коммуникативную ценность и одновременно выступает как объект авторской метафорической интерпретации. Приговор «мертвому» языку тоталитарной эпохи и «мертворожденному» языку современной массовой словесности, заряженной вирусами пошлости, наживы, потребительства, сопровождается конструированием развернутой метафоры дороги, позволяющей выдвинуть социально значимую задачу лингвоаксиологического строительства. На базе метафорической диагностики речевого существования выделяются аксиологические константы — *ж и в о й я з ы к, ж и в о е с л о в о*. Не «единственно верное», а заряженное эмоциональной энергией слово должно стать инструментом лингвоаксиологического строительства, осуществляемого на основе творческого использования языка как системы возможностей. Формируется этнотип настоящего русского писателя, противопоставленный лингвокультурному типу удачливого продавца

слов. Беззаветно служащий русской речи, писатель призван проложить дорогу к живому языку, создав тексты, продолжающие традиции классической русской литературы — нетленной общенациональной ценности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: коммуникативные ценности; лингвоаксиологическое строительство; лингвокультура; массовая культура; метафора; словоцентризм; художественный текст

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

Ц и т и р о в а н и е: *Купина Н. А.* Метафорическая интерпретация коммуникативных ценностей в современной художественной прозе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 4. С. 283–296. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.079>

Поступила в редакцию: 08.06.2020

Принята к печати: 12.10.2021

Natalia A. Kupina

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

METAPHORIC INTERPRETATION OF COMMUNICATIVE VALUES IN TODAY'S FLASH FICTION

Referring to literary texts, this article considers the possibilities of systematisation and interpretation of the values of Russian culture. For specialised analysis, the author chooses flash fiction by Denis Dragunsky, Mikhail Shishkin, and novel prose by Pavel Krusanov, Alexey Slapovsky, Alexey Salnikov, and Maria Stepanova. The purpose of the research, which is carried out within the field of axiological stylistics, is to identify relevant communicative values with the help of the latest Russian prose. A brief outline of the politicisation and depoliticisation of the Russian language and basic values of culture provides a general idea about the basic values on the time scale of the twentieth and twenty-first centuries. The coordination of stylistic and linguacultural methods of analysis identified a strategy of word-centrism, which is common for the authors chosen and finds its expression in the formation of an open supra-textual lexical paradigm. Each component of the paradigmatic row nominates a communicative value and at the same time acts as an object of the author's metaphorical interpretation. The verdict on the "dead" language of the totalitarian era and the "stillborn" language of modern mass literature, full of viruses of vulgarity, profit, and consumerism, is accompanied by the construction of a detailed metaphor of the road, which makes it possible to put forward a socially significant task of linguo-axiological construction. Based on metaphorical diagnostics of speech existence, there are distinguished numerous axiological constants, i.e. a living language and

a living word. Not “the only true” word, but a word charged with emotional energy should become an instrument of linguo-axiological construction, which is to be carried out on the basis of creative use of language as a system of possibilities. The ethnotype of a real Russian writer is formed, which is contrasted with the linguacultural type of a successful word seller. The Russian writer, who selflessly serves the Russian language, is to pave the way to a living language by creating texts, which would continue the traditions of classical Russian literature as an imperishable national value.

Key words: communicative values; linguo-axiological construction; linguaculture; mass culture; metaphor; word-centrism; fiction text

Acknowledgements

The study was carried out with the financial support of the *Russian Foundation for Basic Research* within the framework of scholarly project 19-012-00399 A “Axiological Potential of the Modern Russian Metaphor”.

For citation: Kupina, N. A. (2021). Metaforicheskaia interpretatsiia kommunikativnykh tsennostei v sovremennoi khudozhestvennoi proze [Metaphoric Interpretation of Communicative Values in Today's Flash Fiction]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(4), 283–296. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.079>

Submitted: 08.06.2020

Accepted: 12.10.2021

Вводные замечания:

Базовые ценности русской лингвокультуры на шкале времени

Общегуманитарная проблема систематизации, интерпретации ценностей, составляющих «интегративную основу и для индивида, и для социальной группы» [Леонтьев, с. 15], и для нации приобретает особую актуальность в эпоху перемен. Вызванная социальными катаклизмами «переменчивость ценностных установок россиян» [Тощенко, с. 19] обуславливает интенсивное развитие филологической аксиологии [см.: Аксиологические аспекты...]. Демократизация языка, охватившая тексты воздействующих стилей, тенденция к формированию «стиля как отклонения (девиация)» [Гайда, с. 26] не только от норм языка, но и от норм морали, культуры, а также характерная для текстов массовой словесности тенденция к субституции (стилистическая маркированность вытесняется маркированностью аксиологической) — всё это мотивирует целесообразность развития аксиологической стилистики, в рамках которой проводится настоящее исследование.

Собственно аксиологический аспект стилистического анализа предполагает философское осмысление «ценностной природы человеческого сознания» [Максимов, с. 139], выявление универсальных, национально-специфических, групповых, персональных ценностей, интерпретацию коллективного и персонального ценностного отношения к реальности, а также факторов, влияющих

на аксиологический выбор и определяющих аксиологическое прогнозирование. Представим краткий очерк процессов политизации и деполитизации базовых ценностей русской лингвокультуры (XX–XXI вв.).

В соответствии с марксистской теорией, базирующейся на идеях диалектического материализма, аксиология трактовалась как «буржуазная наука». Догматически отвергались противоречащие материализму «субъективно-идеалистические», «натуралистические» теории ценностей [Философский словарь, с. 11]. В советский период развития философского знания аксиология трансформировалась в марксистско-ленинскую идеологию — «самую прогрессивную, передовую и революционную, служащую эффективным средством сплочения трудящихся в борьбе за социализм, в деле строительства нового общества» [Там же, с. 158].

Государственная идеология стала основой государственной языковой политики, сформировавшей тоталитарный язык с присущей ему функцией предписательности [Купина, с. 217–220]. На всей территории СССР русский язык использовался как инструмент внедрения в общественное сознание руководящих аксиологических установок.

Процесс политизации, охвативший философскую, правовую, религиозную сферы лексико-фразеологической системы, способствовал примитивизации и мифологизации языковой картины мира. На директивной основе с помощью языка вырабатывались нормы политически правильного мышления и речевого поведения, зафиксированные словарями (в их числе такие жанровые разновидности, как словарь этики, словарь атеиста, словарь пропагандиста). Под давлением государственной идеологии, надежно поддерживаемой языковой политикой, сложилась апологетическая словесность. Широко тиражировались догматические тексты: Краткий курс истории ВКП(б), партийные резолюции, речи вождей и др. Процессу политизации ценностей способствовали ориентированные на массового адресата произведения социалистического реализма, утверждавшие эстетическую значимость единственно правильного аксиологического выбора.

Идеологическому диктату противостояли многообразные формы языкового сопротивления [Там же, с. 221–224] — общенародного (крестьянская частушка, политический анекдот), субъязыкового (лагерная поэзия, авторская песня), индивидуального (Е. Замятин, А. Платонов, М. Зощенко и др.). Языковое сопротивление стало одновременно сопротивлением аксиологическим, демонстрирующим недюжинную духовную силу народа, не смирившегося с идеологическим (фактически политическим) диктатом.

Социально-политические преобразования, связанные с распадом Советского Союза, обусловили крушение советской государственной идеологии, деидеологизацию и либерализацию русского языка и языковой политики. Вместе с тем прагматизация мышления и такие травматические следствия тоталитаризма, как аксиологическая подозрительность, аксиологический цинизм, тормозят естественное формирование непротиворечивой системы вербализованных

национальных ценностей русской лингвокультуры. Одна из задач аксиологической стилистики — систематизация языковых средств, служащих для передачи актуальных аксиологических смыслов. Особое внимание исследователи уделяют природе аксиологических оценок и их динамике. Учитывается, что «в процессе интерпретации мира через язык баланс в соотношении “язык — реальность” меняется» [Шейгал, с. 40]. Немаловажным является и тот факт, что при социализме «оценочность... строго дифференцировалась на положительную и отрицательную» [Романенко, с. 54], пропускаясь через фильтр марксистско-ленинской идеологии. В текущее время оценки формируются, но не навязываются институционально из единого центра. На основе аксиологического выбора (коллективного и/или персонального) происходит переосмысление системы ценностей и их иерархии, не приводящее, однако, к вытеснению аксиологических констант.

Типологический подход к проблеме подтверждает вывод об актуальности не только отдельных традиционных ценностей, к числу которых относится родной язык, но и подсистем ценностей. Так, в границах постсоветского аксиологического пространства выделяются 13 групп ценностей. В их числе взаимосвязанные группы ценностей этических, «художественно-эстетических», коммуникативных [Вешнинский]. Лингвистический анализ коммуникативных ценностей [Дементьев] позволяет установить их место в аксиологическом лексиконе — системе аксиологем, или номинированных базовых ценностей. Задачей государственной важности признается защита русского языка, однако современная языковая политика и предпринимаемые попытки лингвоаксиологического строительства не отличаются концептуальной выверенностью. На фоне разрушения системно организованного «фундаментального лексикона» и утраты доверия к простым словам социальную значимость приобретает метафорическая диагностика подсистем базовых ценностей.

Цель исследования — выявление актуальных коммуникативных ценностей по данным новейшей русской прозы.

Аксиологическая константа «живой язык»

Непосредственный объект анализа — тексты Дениса Драгунского (Д), Павла Крусанова (К), Алексея Сальникова (АС), Алексея Слаповского (Слап), Марии Степановой (МС), Михаила Шишкина (Ш)¹.

Общим для авторов является понимание того, что «только слово дает возможность воспринять хаос разрозненных впечатлений и ощущений, вычленив свойства, обозначить общее и единичное, классифицировать бесчисленные и подвижные элементы действительности, снова сложить их в единую картину и далее воспринять и осмыслить ее» [Скляревская, с. 71]. Стратегия

¹ Извлечения из текстов приводятся по исследованным источникам с сохранением авторской орфографии и пунктуации; в круглых скобках указываются авторские инициалы и номера страниц.

словоцентризма обуславливает формирование открытой сверхтекстовой парадигмы аксиологически маркированных единиц: *язык, речь, слово, словесность, текст, стихотворец, писатель, писательство, литература, проза, драматургия, роман, рассказ, стихотворение...* Каждый член парадигматического ряда соотносится с «концептом-максимумом» [Wierzbicka, p. 119] и, следовательно, носителю языка понятен смысл слова, которое становится объектом индивидуально-авторской метафорической интерпретации. При соотнесении включенных в образную параллель «уподобляемого и уподобления» акцент делается «на втором члене метафоры»: язык осмысливается писателем в «действительности, по-новому понятой и возросшей для него в своем значении» [Лихачев, с. 28].

В социокультурный контекст реального времени включена метафора власти языка. Советская реальность выработала язык оголтелой силы и унижения (Ш, с. 184). Он вершит судьбы людей: *судит, казнит и милует* (Ш, с. 183). Текст может приобретать *силу обвинительного заключения* (МС, с. 16). Власть языка, *пропитанного ложью* (К, с. 40), с годами ослабевает: *испаряется не восстанавливаемая языковая ткань* (МС, с. 13). В малой прозе и эссе М. Шишкина значимой является смысловая переключка *мертвый язык — мертвая реальность — мертвые тексты: придуманный язык советской утопии и был телом ее существования. Придуманная мертвая реальность социализма существовала только в адекватном языке газет, телевидения и собраний* (Ш, с. 183). *Мертвые слова мертвого языка* утрачивают мобилизационную функцию и даже, в восприятии М. Степановой, — функцию доверительного межличностного общения: *... на мертвом языке... хочешь не хочешь, не с кем поговорить* (МС, с. 348). Авторами осознается гиперболизация, сопровождающая концептуальный образный смысл ‘смерть языка’, ибо носители лингвокультуры упрямо реализуют закрепленное в менталитете право на сопротивление. Живая мысль, живое чувство не ослабевают: *дневники, письма бережно хранят несгораемые слова* (МС, с. 380). В них можно найти *слово или словосочетание, которое выстраивает в памяти здание события: разговор, угол улицы, шутку или обещание* (МС, с. 23), а значит, *остались словесные клавиши, на которые можно нажать* (МС, с. 13). Живой и яркий язык хранят *книги детства, наполненные прозрачной, хрупкой прозой* (К, с. 84).

Образная интерпретация языка советской эпохи — это скорее приговор тоталитарной идеологии, но не языку, сохраняющему в наши дни способность к возрождению, и не народу. «Язык наделяет национальным сознанием» [Генис, с. 316] народ. Народ, вопреки социальным катаклизмам, поддерживает ментальное своеобразие языка. Не случайно в семантической структуре слова *язык* долгое время сохранялось значение ‘народ’. Лексемы *язык, народ* номинируют взаимосвязанные национальные ценности русской культуры. Пока жив народ, жив язык, несмотря на катаклизмы.

Метафорическая диагностика речевого существования текущего времени подтверждает тезис нашего современника — филолога и писателя: «Потрясения в области языка оказались не меньшими, чем на полях сражений» [Водолазкин, с. 254]. Образная конкретизация лингвокультурных утрат охватывает язык

повседневности: сузилось пространство доверительных разговоров *о смысле бытия, о бренности всего сущего, о путях души и о переплетенности дорог истории в лесу времени... Без этих разговоров русская жизнь — не русская жизнь, а места и времени для них всё меньше*. И всё же остается оазис для такого общения (Слап, с. 261): человек душевный *открывает* для друзей *двери* своего дома, значит, можно надеяться, что аксиология повседневности сохранит слова, не зараженные опасными вирусами, распространяемыми в обществе потребления.

Вирусы пошлости, наживы, подражательства

Вирус пошлости поразил массовую словесность: *<...> новые русские бабки в телевизоре, дебильные ток-шоу, разыгранные по сценариям копеечных писак, журнальный глянец в стиле высокого идиотизма* (К, с. 241), *мемуары рублевских сучек* (Там же). Вся эта бездыханная культурка — порождение созданного воображением Павла Крусанова общества зрелища — *меркантильного, гниющего бублимира*, в котором *вещает дырка от бублика* и процветают *продавцы слов* (К, с. 84). Успешные *продавцы слов* — предприимчивые издатели и нанятые ими авторы текстов массовой литературы, разработчики сделанного на заказ серийного проекта. В соответствии с запросами рынка они *готовят УТП, оно же USP (уникальное торговое предложение, оно же Unique selling proposition)*. — Д, с. 193). Добиться коммерческого успеха могут овладевшие креативными технологиями приспособленцы, подражатели.

Сквозной мотив подражательства, понимаемого как стратегически заданное производство востребованных на рынке продаж текстов, развивается в романе Алексея Слаповского «Адаптор». Лингвоэстетическое неприятие технологий, целенаправленно реализуемых с установкой на прибыль, поддерживается иронизмами, которые в тексте романа выступают как результат операций, связанных и с планом выражения, и с планом содержания словесных знаков. План содержания ориентирован на лежащее в основе метафоры скрытое сравнение: у текста, являющегося товаром массового потребления, есть *важное свойство — быть похожим на то, что ели вчера* (Слап, с. 12). Именно поэтому издатели ориентируются на *объем и жанр: «Детективщинки листов на пятнадцать. Любовщинки на семь», — говорил один из них. Сейчас он занимается детской литературой и мечтает вслух: «Гаррипоттерщинки бы какой ни на есть, листов тридцать-сорок, издадим толсто и красиво»* (Слап, с. 13). *Толсто и красиво* издаются книги, сконструированные по испытанным на книжном рынке отечественным и зарубежным образцам: *паолокозльевщинка, акунинщинка, пелевинщинка, муракаминщинка, сорокинщинка* (Слап, с. 14). Диминутивы усиливают иронию, позволяя понять, что любое подражание оказывается слабее образца.

Противопоставленная самобытному творчеству метафора адаптаторства развивается. *Золотым дном* стало издание книг, ориентированных на целевую аудиторию *школьников, студентов гуманитарных вузов и т. п.* Это книги, где *пересказывалось содержание художественных классических текстов с добавлением*

кое-каких комментариев и методических указаний (Слап, с. 21). Для малограмотных, не без иронии отмечает автор, издаются комиксы (Слап, с. 31). Мастера адаптации делают понятными даже Достоевские непонятки (Д, с. 194).

Лучшие адапторы способны удовлетворить потребности читателей, которым хочется думать, что им высокая литература доступна. Про жизнь, но со всякой там как бы философией (Слап, с. 129). Народу нравится игра в высокое. Золотой жилой становится стилизация классики: Шеф-повар огромной (на самом деле крохотной) кухни стряпает блюда не просто съедобные, а лучше других, питательней и полезнее (Слап, с. 165, 200).

Образная параллель массовая литература — еда способствует формированию драматического ощущения возможной утраты национального достояния — высокой русской литературы. Именуемая «литературно-художественным изданием» книга становится продуктом, сходным с ливерной колбасой, а тексты массовой литературы в целом представляют собой однородную по сути субстанцию, <...> которая одинакова во всех лавках, в любых обертках, что от нее, собственно, и требуется (Слап, с. 14). Бумага с буквами — еда, продукт каждодневного спроса. Значит ли это, что серьезную литературу завтра не будет читать уже никто, а для писателей, которые работают на вечность, нет завтрашнего дня? Ответ на этот вопрос наведен сквозной сверхтекстовой оппозицией: лингвокультурный типаж подражателя, продавца слов противопоставляется этнотипу настоящего русского писателя. Именно настоящие писатели развивают и сохраняют язык (Слап, с. 189–190), от них в значительной степени зависит судьба языка. Цепочка хода мысли: засилье масскульта привело к тому, что русская словесность вышла в отставку (Ш, с. 203), но язык терять нельзя; следовательно, необходимо проложить дорогу в будущее.

Дорога к живому слову

В анализируемых текстах развивается метафора дороги: Нужна новая дорога, новый способ складывания слов (Ш, с. 191). Слова — материал для дороги (Там же). Задача — найти заряженные эмоциональной энергией слова любви, которых так не хватает в жизни (К, с. 236).

Метафора дороги, формируясь «на основе общепринятой системы ценностей, базируясь на традиционных... понятиях и правилах» [Заботкина, Коннова, с. 58], концептуализируется. Подобно другим пространственным метафорам, метафора дороги служит для «категоризации видимых, осязаемых, относительно простых с точки зрения формы предметов» [Wunderlich, S. 67]. Кто именно и с какой целью проложит дорогу к живому слову? В анализируемых текстах находим два ответа на поставленный вопрос.

В антиутопии Павла Крусанова на поиски слов отправляется архитектор общества с немилосердной иерархией. Где на вершине — вождь <...> Непогрешимая фигура — поводыр по жизни (К, с. 74), разрабатывающий идею закона как общего долга (К, с. 167). Вождь стремится найти верные слова. Слова эти

в процессе изобретения текста *ускользали, не шли на язык, не спешили прорастать в его сердце* (К, с. 212). Типовые характеристики слов, *которые услышат и которым подчинятся все: единственно верные, правильные, безукоризненные, только твои, не чужие*. Именно такие слова составят фундамент языка, способного *разрушить бублимир* (с. 239), *взорвать дьявольские рельсы, по которым мир скользит в мерзкое небытие, прикрытое, как дымовой завесой, цветной, мерцающей, надушенной, сочно лоснящейся телекартинкой* (с. 163). Враждебная лингвокультурная среда поглощает живую речь. Страстный трибун, ощутивший дар слова, сочиняет *текст — густой, крепко настоящий, разом вышибающий из механической логики* (с. 257). Его *речь... весть о новом законе, нанизанном на стержень общего долга, первый и главный документ Нового Мира* (К, с. 269). Новая старая идея власти *единственно правильных* мобилизующих слов, провозглашенных вождем-оракулом, терпит фиаско, а язык, поставленный на службу одной и только одной идее, превращается в беспомощный лепет:

- Чит-чит-чит.
- Тяв-тяв.
- Цить-цить-цить.
- Кна-кья-кна (К, с. 319).

Исчерпан фонд мобилизующих идей. Дорога, вымощенная идеологически выверенным, но омертвевшим словесным материалом, оказывается тупиковой.

В малой прозе Михаила Шишкина метафора *дороги* сопровождает концептуальную постановку задачи, связанной с языковым строительством, судьба которого зависит от возрождения традиций русской литературы. Только писатель может *совершить чудо и воскресить мертвые слова* (Ш, с. 192), *избавить язык от груды обветшалых эпитетов и затоптанных сравнений* (Ш, с. 149), *найти язык новой внятности и написать классический русский роман* (Ш, с. 182), который станет текстом нравственного и эстетического воздействия.

Метафорическая диагностика, включенная в аксиологическую реальность текущего времени, прогнозирует бесперспективность развития языка тотального идеологического влияния и целесообразность направленного развития языка высокой художественной литературы, бережно сохраняющего базовые ценности, способного приостановить культурную деградацию общества потребления.

Беззаветное служение речи и обретение авторской индивидуальности

Сквозным является мотив обретения неповторимой речевой индивидуальности. Формируется отличающийся внутренним психологизмом узнаваемый лингвокультурный типаж [Карасик, с. 178] человека пишущего. Сопоставляя себя и других пишущих с гениями, Homo scriptor осознает недостижимость вершинных проявлений истинного творчества, открытий и прозрений такого *великого русского писателя*, каким был Достоевский — литератор, философ, идеолог, психиатр: *Достоевский нащелкал по носу Руссо, Толстого и Маркса и на повороте обошел Фрейда. Z Ничего нового после Достоевского про человека сказано*

не было. **З** Поэтому Достоевского читают, узнавая правду о себе. **З** А критики и хулители Достоевского пусть помалкивают. **З** Пусть сами придумают что-то новое о человеке — тогда и поговорим (Д, с. 193–194).

Погруженный в творческий процесс, писатель находится в постоянных поисках нового. О личном опыте новеллиста и драматурга пишет Денис Драгунский. Он стремится к тому, чтобы готовящийся к изданию сборник *спрессованных рассказов* стал единым авторским текстом, чтобы рассказы *цеплялись друг за друга — интонацией, смыслом, и даже словами* (Д, с. 6). Он пытается писать пьесы и признается, что *отравился драматургией*, но, будучи «взыскательным художником», трезво замечает: — *Настоящего драматурга из меня не получилось — я был инсценировщиком, экранизатором, хотя и написал кучу оригинальных пьес и сценариев* (Д, с. 203). В *куче пьес* нет текста, который *ведет, влечет, затаскивает в себя* (Д, с. 24). Слова воздействия не найдены; настоящий писатель не состоялся, но поиски продолжаются...

Творческий процесс формирует личное ощущение неповторимости, связанное с «пограничным состоянием в момент максимального эмоционального и духовного напряжения» [Зубова, с. 194]. Именно в этот момент происходит «прямой контакт с языком, <...> впадение в зависимость от оного...» [Бродский, с. 16], ибо «творец всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом музыки, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он средством языка к продолжению своего существования» [Там же].

В романе Алексея Сальникова «Опосредованно» язык, в соответствии с авторской концепцией, по-прежнему обнаруживает свою силу в речи, *которая делает людей людьми, всецело властвует над ними* (АС, с. 62), оставаясь всегда живой. Ключевым является слово *стишок*. Диминутив в составе целого текста позволяет сконструировать тему «муки творчества»: Лена, учитель математики, мать девочек-близнецов, с детства погружена в мир высокой поэзии. Она прислушивается к речи, которая движется, *как непрерывный сильный ветер, <...> заглушая все звуки вокруг* (АС, с. 121), *и безуспешно пытается поймать свою «Рождественскую звезду»* (АС, с. 79). Недостижимы вершины поэзии, но речь позволяет поэту *ловить текст прямо в воздухе* (Там же). Слово *стихотворение* в романе не употребляется. *Стишки* — проба пера, творчество, которое, возможно, не увенчается шедевром, а лишь подготовит почву для создания *стихотворения* — вершинного произведения литературы.

Стихотворец, литератор противопоставляется *стиходелу, литраделу, изготовителю стишков*. Стихотворец мучительно пытается *подступиться к своему собственному стишку* (АС, с. 15); *стиходел клепает текст за текстом* (АС, с. 119), *выдает на-гора* (АС, с. 66) *целый пак текстов* (АС, с. 65) и в результате оказывается лишь *приложением к речи* (АС, с. 43).

Речь предстает как *живое существо* (АС, с. 116), которое властвует и над стиходелами, и над стихотворцами: *стиходелу она как бы показывает отчасти свою изнанку, а при долгом служении вся полностью поворачивается стихотворцу, оставляя стихотворца у себя: всё, что он думает, чувствует — всё оказывается*

речью (АС, с. 117), которая трезво дифференцирует низкое и высокое, стандартное и индивидуальное, неповторимое.

Аксиологический выбор стихотворца — беззаветное служение речи. *Сумасшествие, скрытое в стихотворцах* (АС, с. 67), проявляется в *непреодолимой тяге к стишкам* (АС, с. 56), которая уподобляется наркозависимости. Героиня романа осознает, что *свою жизнь она ухнула в стишки* (Там же). «Поэзия становится для нее внутренней, душевной потребностью» [Лихачёв, с. 8]. Она не может не согласиться с пронизательным наблюдением со стороны: *...живущие в вас тексты заменили вас саму* (АС, с. 116). Она знает, что каждый прожитый час — это ожидание *стихового прихода* (АС, с. 94).

Слово *приход* — метафорический знак вдохновения. *Текст обрушивается* (АС, с. 64) на стихотворца целиком; иногда *стишок приходит сам, незаконченный, но уже хищный в своей незавершенности* (АС, с. 19). В муках стихотворец пытается найти нужные *строчки*, помогающие отличить *стишок от слов в столбик* (АС, с. 115). Готовый текст *нужно... ловить прямо в воздухе* (АС, с. 79); незаконченный — изобретать в ожидании нового *прихода*. Речь не всегда благосклонна: периодами наступает *затишье*. Стихотворец, не ощущая *прихода*, обращается к старым записям, а в них *ничего не пробивало* (АС, с. 82). И снова — поиски нового, своего. *В темном зеркале текущих слов* (АС, с. 45) он пытается разглядеть свое отражение, найти хотя бы *сравнение — кровь стишка* (АС, с. 28). Речь обольщает, побуждает к творчеству: *Лена ощутила, как стишок положил руку ей на плечо, почти полностью готовый за вычетом нескольких деталей, которые можно было дорисовать уже в процессе* (АС, с. 63). Эти детали следует найти самостоятельно, сотворить, но при этом не «уничтожить дистанцию по отношению к языку» [Барт, с. 137], находясь *внутри речи*.

Писатель должен создать классический русский роман; поэт — сочинить стихотворение; драматург — написать пьесу. Живая речь и художественный текст находятся в неразрывном единстве. Пока жива изящная словесность, жив язык — абсолютная ценность русской культуры, еще сохраняющей традиции доверительного межличностного общения.

Выводы

Современные русские писатели находятся в поисках абсолютных ценностей национальной культуры. По данным новейшей русской прозы, интегративную основу для россиян составляют коммуникативные ценности.

Объединяющая авторов проанализированных текстов стратегия словоцентризма обуславливает формирование сверхтекстовой лексической парадигмы, каждый компонент которой номинирует базовую коммуникативную ценность.

Метафорическая диагностика позволяет выявить болезни массовой словесности, зараженной вирусами пошлости, наживы, подражательства. Формируется противопоставление: *продавец слов, подражатель — настоящий русский писатель*.

В процессе метафорической интерпретации коммуникативных ценностей выявлены аксиологические константы: *живой язык, русская классическая литература, живое слово*. Концептуальная метафора дороги позволяет трактовать слово как инструмент лингвоаксиологического строительства. Тупиковым оказывается поиск «единственно верных» слов, способных вернуть языку функцию идеологического влияния.

Возрождение русской классической литературы, творческое использование языка как системы возможностей, ощущение автором текста эмоциональной энергии слова — условия оздоровления лингвокультурной среды.

Источники

- Драгунский Д.* Вид с метромоста : [рассказы]. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015.
Крусанов П. Мертвый язык : [роман]. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2009.
Сальников А. Опосредованно : [роман] // Волга. 2018. № 9–10 (476). С. 7–135.
Слаповский А. Качество жизни. М. : Вагриус, 2004.
Степанова М. М. Памяти памяти : романс. М. : Новое издательство, 2019.
Шишкин М. Пальто с хлястиком : Короткая проза, эссе. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017.

Исследования

- Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург : Ажур, 2019.
Барт Р. S/Z. М. : Эдиториал УРСС, 2001.
Бродский И. Нобелевская лекция // Бродский И. Стихотворения. Таллинн : Ээстираамат : Александра, 1991. С. 5–18.
Вешинский Ю. Г. Аксиология культурного пространства времени (в границах постсоветского культурного пространства) // Мир психологии. 2005. № 4. С. 226–235.
Водолазкин Е. Г. Дом и остров, или Инструмент языка. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017.
Гайда С. Что такое стиль // Стилистика как речеведение : сб. науч. тр. славянских стилистов, посвящ. памяти проф. М. Н. Кожиной / под ред. Л. Р. Дускаевой. М. : Флинта : Наука, 2013. С. 25–34.
Генис А. Камасутра книжника. Уроки чтения. М. : АСТ, 2013.
Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персонализма в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013.
Заботкина В. И., Коннова В. Н. Концептуальная метафора как способ осмысления времени // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 44–108.
Зубова Л. В. Язык поэзии Марины Цветаевой: (Фонетика, словообразование, фразеология). СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.
Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М. : Гнозис, 2010.
Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры: Избранные труды. М. : Флинта ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020.
Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15–26.
Лихачев Д. С. Борис Леонидович Пастернак: Вступительная статья // Пастернак Б. Избранное : в 2 т. М. : Художественная литература, 1985. Т. 1. С. 3–28.

- Максимов А. Н. *Философия ценностей*. М. : Высшая школа, 1997.
- Романенко А. П. *Советская герменевтика*. Саратов : Наука, 2008.
- Скляревская Г. Н. *Метафора в системе языка*. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004.
- Тощенко Ж. Т. *Фантомы российского общества*. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
- Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Политиздат, 1987.
- Шейгал Е. И. *Семиотика политического дискурса*. Волгоград : Перемена, 2000.
- Wierzbicka A. *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor : Karoma Publishers Inc., 1985.
- Wunderlich D. *Raum, Zeit und das Lexikon // Sprache und Raum / Hrsg. H. Schweizer*. Stuttgart : J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1985. S. 66–89.

References

- Bart, R. (2001). *S/Z*. Moscow: Editorial URSS.
- Brodsky, J. (1991). Nobelevskaia leksiia [Nobel Lecture]. In I. Brodsky, *Stikhotvoreniia* [Poems] (pp. 5–18). Tallinn: Eestiraamat; Aleksandra.
- Dement'ev, V. V. (2013). *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury: kategoriia personalizma v leksike i pragmatike* [Communicative Values of Russian Culture: The Category of Personalism in Lexicon and Pragmatics]. Moscow: Global Kom.
- Frolov, I. T. (Ed.). (1987). *Filosofskii slovar* [The Dictionary of Philosophy]. Moscow: Politizdat.
- Gaida, S. (2013). Chto takoe stil' [What Style Is]. In L. R. Duskaeva (Ed.), *Stilistika kak rechevedenie: sbornik nauchnykh trudov slavianskikh stilistov, posviashchennyi pamiati professora M. N. Kozhinoi* [Stylistics as Speech Studies. Collection of Scholarly Works of Slavic Stylists in Memory of M. N. Kozhina] (pp. 25–34). Moscow: Flinta; Nauka.
- Genis, A. (2013). *Kamasutra knizhnika. Uroki chteniia* [A Scribe's Kama Sutra. Reading Lessons]. Moscow: AST.
- Karasik, V. I. (2010). *Iazykovaia kristallizatsiia smysla* [Linguistic Crystallisation of Meaning]. Moscow: Gnozis.
- Kupina, N. A. (Ed.). (2019). *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovanii* [Axiological Aspects of Modern Linguistic Research]. Yekaterinburg: Azhur.
- Kupina, N. A. (2020). *Iazykovoie soprotivlenie v kontekste totalitarnoi kul'tury: Izbrannye trudy* [Linguistic Resistance in the Context of a Totalitarian Culture: Selected Works]. Moscow: Flinta; Yekaterinburg: Ural University Press.
- Leont'ev, D. A. (1996). Tsennost' kak mezhdistsiplinarnoe poniatie: opyt mnogomernoi rekonstruktsii [Value as an Interdisciplinary Concept: An Attempt at Multidimensional Reconstruction]. *Voprosy filosofii*, 4, 15–26.
- Likhachev, D. S. (1985). Boris Leonidovich Pasternak: Vstupitel'naia stat'ia [Boris Leonidovich Pasternak: Introductory Chapter]. In B. Pasternak, *Izbrannoe* [Selected Works] (Vol. 1, pp. 3–28). Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
- Maksimov, A. N. (1997). *Filosofiia tsennostei* [Philosophy of Values]. Moscow: Vysshiaia shkola.
- Romanenko, A. P. (2008). *Sovetskaia germenevtika* [Soviet Hermeneutics]. Saratov: Nauka.
- Sheigal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Volgograd: Peremena.
- Sklyarevskaya, G. N. (2004). *Metafora v sisteme iazyka* [Metaphor in the Language System]. St Petersburg: Philological Faculty of St Petersburg State University.
- Toshchenko, Zh. T. (2015). *Fantomy rossiiskogo obshchestva* [Phantoms of Russian Society]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniia i marketinga.
- Veshninsky, Yu. G. (2005). Aksiologiia kul'turnogo prostranstva vremeni (v granitsakh postsovetskogo kul'turnogo prostranstva) [Axiology of Cultural Space Time (in the Borders of Post-Soviet Cultural Space)]. *Mir psikhologii*, 4, 226–235.

Vodolazkin, E. G. (2017). *Dom i ostrov, ili Instrument iazyka* [A House and an Island, or The Language Instrument]. Moscow: AST; Redaktsiia Eleny Shubinoi.

Wierzbicka, A. (1985). *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma Publishers Inc.

Wunderlich, D. (1985). Raum, Zeit und das Lexikon. In H. Schweizer (Ed.), *Sprache und Raum* (pp. 66–89). Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.

Zabotkina, V. I., & Konnova, V. N. (2012). Kontseptual'naia metafora kak sposob osmysleniia vremeni [Conceptual Metaphor as a Way of Understanding Time]. In V. I. Zabotkina (Ed.), *Rossii: izmeniaiushchiisia obraz vremeni skvoz' prizmu iazyka. Reprezentatsiia kontsepta vremeni v russkom iazyke v sopostavlenii s angliiskim i nemetskim iazykami* [Russia: The Changing Image of Time through the Prism of Language. The Representation of the Concept of Time in Russian in Comparison with English and German] (pp. 44–108). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Zubova, L. V. (1999). *Iazyk poezii Mariny Tsvetaevoi: (Fonetika, slovoobrazovanie, frazeologiya)* [The Language of Marina Tsvetaeva's Poetry (Phonetics, Word Formation, Phraseology)]. St Petersburg University Press.

Купина Наталия Александровна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: natalia_kupina@mail.ru

Kupina, Natalia Aleksandrovna

PhD (Philology), Professor
Department of the Russian Language, General
Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave.,
620000 Yekaterinburg, Russia
Email: natalia_kupina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>
Scopus AuthorID: 56604066600